

И.Ю. МЛОДИК

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

КОГДА
СТРАДАНИЕ
СТАНОВИТСЯ
ОБРАЗОМ
ЖИЗНИ

Ирина Юрьевна Млодик

Девочка на шаре.

Когда страдание становится образом жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22457816

Девочка на шаре. Когда страдание становится образом жизни:

Генезис; Москва; 2016

ISBN 978-5-98563-436-5

Аннотация

Роман и психологическая статья, представленные в книге, иллюстрируют различные проявления мазохизма в нашей культуре.

Мазохистами, с психологической точки зрения, принято называть людей, которые привыкли страдать ради других: к примеру, откладывать решение собственных проблем или вовсе не замечать их, занимаясь вместо этого судьбами других. Если вам иногда хочется сыграть значительную роль в чужой судьбе, сначала задумайтесь, насколько не оказывается обделенной при этом ваша собственная судьба. Если вы не верите в то, что именно вы являетесь творцами собственной жизни, вы провоцируете других людей поучаствовать в вашей жизни на их усмотрение.

Для широкого круга читателей.

3-е изд. (эл.).

Содержание

Девочка на шаре

7

Конец ознакомительного фрагмента.

30

И. Ю. Млодик

Девочка на шаре.

Когда страдание становится образом жизни

От издательства

Это третья книга Ирины Млодик, написанная в необычной манере, — она включает в себя художественное произведение, дающее возможность читателю увидеть, понять и почувствовать сущность психологического нарушения (в данном случае речь идет о мазохистических особенностях характера), и статью о механизмах формирования этого нарушения и возможностях психотерапевтической работы с ним.

С точки зрения психологии мазохист — это человек, чьи желания и потребности с детства попираются, в результате чего он перестает ощущать свою человеческую ценность. Ему трудно заниматься собственной жизнью, он ищет и находит тех, кому готов служить и подчиняться. Не замечать усталости, боли, жары для такого человека намного естественнее, чем проявить заботу о себе. Способность выносить страдания и лишения — его главная гордость, способ полу-

читать любовь, стать морально выше других.

Говорить об этой проблеме непросто хотя бы потому, что, как пишет автор, для российского и постсоветского обществ эти особенности очень характерны. Они вполне приемлемы, считаются почти нормой. Тем важнее прочесть эту книгу, иначе взглянуть на то, что, на первый взгляд, кажется таким привычным и обыденным. И попытаться разобраться, что же можно сделать для изменения ситуации, для того чтобы мы перестали жить, страдая, смогли увидеть свои потребности и желания и дали возможность начать жить собственной жизнью своим близким.

Ольга Сафуанова, главный редактор издательства

Выражаю глубокую признательность:

семье моей сестры:

Марине, Грэгу, Арише, Саше, Элине, Дэвиду;

семье Морозовых из Новосибирска:

**Валентине, Дмитрию, Полине и Александре
за тепло и гостеприимство, щедро
питавшие меня во время работы над книгой**

Девочка на шаре

*По оценкам МВД России, в 1994 году почти 14 тысячи женщин были убиты мужьями или сожителями. Для сравнения – за 10 лет Афганской войны Советский Союз потерял 17 тысяч человек.
Сайт центра «Сестры»*

*Мать-одиночка растит свою дочь скрипачкой,
Вежливой девочкой, гнесинской недоучкой.
«Вот тебе новая кофточка, не испачкай».
«Вот тебе новая сумочка с крепкой ручкой».
Дочь-одиночка станет алкоголичкой,
Вежливой тетечкой, выцветшей оболочкой,
Согнутой черной спичкой, проблемы с почкой.
Мать постареет, и все, чем ее ни пичкай,
Станет оказывать только эффект побочный.
Боженька нянчит, ни за кого не прочит,
Дочек делить не хочет, а сам калечит.
Если графа «отец», то поставлен прочерк,
А безымянный палец – то без колечек.
Оттого, что ты, Отче, любишь нас больше
прочих,
Почему-то еще ни разу не стало легче.*

Вера Полозкова

Не касаться земли. Балансировать. Взмах тонких рук, и ей снова удастся сохранить равновесие. Нельзя сойти с шара. Двигайся, перебирай ножками. Тебе нельзя упасть. Ты не можешь остановиться, расслабиться, ощутить опору. Опора есть у сильных. Она есть у него. Ему так удобно сидеть на большом кубе. Он вправе. Ему можно. Крепкие, широкие ступни и твердость земли. Он уверенно занимает место, повернувшись ко всему миру широкой мускулистой спиной.

Ему можно. Тебе – нет. Твой удел – перебирать ножками, держать равновесие. И улыбаться. Не забывай улыбаться. Никто не должен видеть твоей усталости и слез. Легче. Изящнее. Ты должна радовать. Давай же. Нельзя сойти с шара. Терпение и усердие. А что, если?.. Нет. Не вздумай, иначе он поднимется со своего куба, и потом боль в исполованной плеткой спине и синяки на ногах будут мешать тебе держаться на шаре. Будет только хуже. Просто терпи. Перебирай ножками. Старайся, держи равновесие. Ты не должна его подвести. Тебе лучше его не злить...

Она любила эту картину. В молодости, глядя на нее, сначала, как и все вокруг, видела только акробатов на привале: хрупкую девочку и широкую мужскую спину. Романтичный Пикассо, через «голубое» прожив свои потери и расставшись с иллюзиями молодости, вдруг обращается к «розовому», разрешая себе окунуться в легкость и радость цирковых представлений, в романтизм, крепость уз, надежность

актерского братства.

Прошло всего каких-то пара лет... Нет. Голубой на самом деле никуда не ушел. Теперь она это ясно видит. Откуда они взяли эту глупость – «розовый период»? Голубой его одиночества и скорби еще здесь, в этой девочке, мучительно ищущей ускользающее из-под ее ног равновесие, и в явном, грубо заявляющем о себе синем с мужской стороны картины. Неужели не видно? И куда только смотрят искусствоведы...

Когда она была немного моложе, та самая акробатка напоминала ей Суок – девочку из фильма «Три толстяка». Она-то, конечно, может позволить себе безмятежность, детскую грацию и даже рискованные подвиги, ведь рядом с ней смелый Тибул. Сильный и преданный мужчина рядом – такая прекрасная возможность быть хрупкой и верить, что он все сделает для ее спасения. Тибул из фильма очень нравился ей: стройный, подвижный, с теплым взглядом и нежностью в голосе. Он ничем не напоминал ей собственного отца, который как раз вескостью, мощью и значительностью весьма походил на мужчину-акробата в синем.

Картина в который раз поймала ее и оставила при себе. Живи как хочешь, свободна. Она снова исчезла, осталась только девочка с розой в темных волосах, бесконечно ищущая свое равновесие. И не поднять глаз. Не сойти на землю.

Она шла из Пушкинского с ощущением странного освобождения. С легкостью, с решением внутри. И почему она сомневалась? Конечно, нужно сказать «да», он же так ее лю-

Мы не виделись со студенческих времен. Возможно, моя жизнь так бы и не пересеклась еще раз с ее судьбой, если б не Ленка, обладающая редким даром – соединять все и всех в чудовищную круговерть.

Если бы перед знакомством с Ленкой хоть ктонибудь предупредил меня о том, что один раз попав в ее планетарную систему, с нее уже не выбраться, так велика Ленкина гравитация, то я бы еще подумала, подходить или нет к этой милостивой, маленькой, чуть полноватой и всегда чем-то увлеченной блондинке. Даже телефон, кажется, звонит задорнее и напористее, когда на том конце провода ее воодушевленный голос. Да уж, Ленку ни с кем не спутать.

– Ты что, не знаешь? Она же в больницу попала, а у самой дома остался ребенок-инвалид. Ты что, не знаешь, что у нее ребенок-инвалид? Ну ты на какой планете живешь? А еще, блин, интеллигенция! Арина, как можно?! – В то время пока Ленка бодро вещает, я вспоминаю Ингу и пытаюсь вписать все, что слышу, в какие-то картины, которые сменяют одна другую прежде, чем я успеваю их дорисовать.

Светло-русая девушка, из всех предметов непонятно почему любившая так не любимую всеми остальными социо-

логию и социальную психологию, в то время как все были «намагничены» зарубежной журналистикой и пиаром. Тихая, милая, всегда погруженная в себя. Неглупая, как уже тогда было очевидно. Говорила она редко, но слушать начинали все. Мало слов. Коротко. Всегда основное. Как будто долго думала, вылепливала слова и выдавала уже суть, не рисуясь, не умничая, просто дарила нам слова, которые хотелось сразу же положить в какое-то потайное место и потом прослушивать раз за разом, пытаясь понять что-то важное, заключенное в них, но еще не долетевшее до всех закоулков души.

Симпатичная или милая, даже не знаю, как точнее. Никакой яркости ни в чем. Пастель. Приглушенный звук. Странная боль в глазах, не острая, не жгучая, боль человека, привыкшего к своему страданию. Инга. Да, наверное, рядом с ней можно представить ребенка-инвалида, как это ни грустно, можно. Почему-то очень верится.

Мои психологические зарисовки прерывает осознание того, что восклицательные знаки в трубке сменились вопросительными, а значит, от меня ждут ответа.

– Ну что ты думаешь по этому поводу? Кого? Кто бы мог? Как думаешь? – Я догадываюсь, что уже с десятков вопросов я, похоже, пропустила. Ленкина способность за пару минут сообщать огромное количество информации явно опережала мои способности эту информацию улавливать. Интересно, это потому, что я неуклонно старею, еще не сработа-

ла первая чашка кофе, или мы с Ленкой, от которой я уже успела отвыкнуть, но еще не успела отдохнуть, такие разные? Быстро прикинув, что приятнее всего думать последнее, решила не терзаться и, рискуя превратить наш разговор в бесконечно долгий, переспросила:

– Кто бы мог что, Лен?

– Как что? Ты что, не слушаешь меня, что ли? Ну помочь, посидеть с ее Степкой. Некому ведь. У меня ж ты знаешь – мама. Я сама не могу, днем особенно, только вечерами забежать. Я уж и Варьке звонила, и Светке. Все отказываются, у всех дела. Понимаешь? У них дела! А ребенок? Вот ему как? Он же колясочник. У тебя ж, мне сказали, отпуск, и ты как раз никуда не едешь. И надо-то всего недельку-другую, а потом, глядишь, и Ингу выпишут. Ну днем только, вечером я прибегать буду и еще сейчас других обзвоню.

– То есть ты меня просишь? – Я как-то не отдавала себе отчет в том, что сей пламенный спич будет касаться лично меня. Говорила же я себе еще в прошлый раз: не хочешь проблем на свою голову, не бери трубку! Говорила же, что вместо «Ленка» в мобильнике надо написать «Аришенька, умоляю, не отвечай на звонок!!!».

– Ну конечно, тебя! Я вообще с кем разговариваю? У тебя же отпуск, мне Варька сказала. И надо-то неделю. Тебе что, недели для ребенка жалко? Тебе же все равно делать нечего. Как ты собираешься проводить отпуск в ноябре? По Москве гулять в такую холодрыгу, что ли?

– Нет, гулять не собираюсь. – Я начинаю говорить медленнее в надежде хоть что-то успеть обдумать, но чем длиннее паузы между словами, тем больше нарастает скорость Ленкиной речи.

– Короче, записывай телефон Инги и адрес. Есть чем писать? Ладно, я сейчас пришлю тебе смс-кой. И еще Степкин телефон пришлю. Я вчера у него была, покормила, у него все есть, но сегодня к обеду, давай, очень нужно, чтобы ты пришла, а то голодным парень окажется. Все, у меня параллельный звонок. Не могу больше болтать с тобой, пока.

Теперь на меня практически без предупреждения накинудись гудки. «И вот что мне теперь с этим всем делать?» – гневно вопрошала я неизвестно кого. «Какого черта ты взяла трубку? Тебе что, плохо жилось с утра? Ведь сегодня первый день твоего долгожданного отпуска! Всего только полчаса до полудня! Еще кофе даже не успел просочиться в жилы, а ты уже заимела себе геморрой! У тебя же были планы, ты помнишь? Бассейн, фитнес-клуб, любимые книжки, блог, статья, которую ты все рвешься написать. Как же твои планы?»

«Я ж не сообразила, что это Ленка. Она же так быстро. Говорит как пулемет... Я же ничего не обещала. Я же не сказала “да”. Она сейчас позвонит кому-нибудь другому, и все уладится. Да и вообще, можно просто не ходить и все. Да, не ходить. И заняться своими делами». В ответ на этот душе-раздирающий, но такой утомительный, непрекращающийся внутренний диалог проорчал телефон, возвещая о получен-

ной смс-ке. «Ты можешь ее не читать. У тебя отпуск, – уверещевал меня мой Правозащитник, – ты пахала целый год как проклятая, у тебя почти не было выходных. Тебе можно заниматься только собой, даже если все дети мира будут голодать и просить о помощи».

«Да, конечно, – согласилась я сама с собой, – я только гляну, вдруг это не Ленкина смс-ка, а чья-то другая, важная, и все. Я просто проверю. Никуда ехать я не собираюсь».

«И еще купи ему апельсины. Горло слабое. Как бы не разболелся», – было написано в сообщении, далее шли телефоны и адрес.

Ну хорошо. Та-а-ак. Что я планировала на сегодня? Отдохнуть. Есть всякую хрень, смотреть всякую чушь. Сходить к вечеру в магазин и сварить-таки мужу борщ, в кои-то веки. Чтобы, когда он вернется домой, дома была еда, хотя бы отдаленно напоминающая ту, которой заботливые жены кормят своих голодных мужей. Да, таков был план.

Дожевав булочку с корицей и запив ее остатками уже остывшего кофе, я триумфально залегла на диван, и он прогнулся от важности возложенной на меня задачи – «отдыхать». С воодушевлением и немного гордясь собственной решительностью, я взяла в руки книгу.

Еще вчера все происходящее в ней имело глубокий смысл и захватывало меня всей душой, тем более что вечернее московское метро – такое место, где очень хочется сдаться почти любому сюжету. Но сегодня буквы лишь бестолково

толклись на странице, не желая обретать смысл. Я сама никак не могла перейти в режим отдыха, несмотря на томную бразильскую музыку, сладкоголосыми ритмами заливающую мою комнату.

Почти через час я обнаружила, что лежу на диване с напряженным от раздумий тельцем и представляю себе этого Степку: маленького, шестилетнего, голодного, с больным горлом, разочарованного этим миром, в котором так много равнодушных взрослых, жалеющих для него всего лишь пару часов своей драгоценной жизни.

Своих детей у меня никогда не было и уже не будет по обстоятельствам, о которых нет желания вспоминать. Я прятала от себя эту боль подальше, давно прикрыв ее любовью к детям моих подруг. Чужих детей любить приятно, особенно Валюшкиных детей – Лизу и Катюшку, а потом и Васютку. Это получалось само собой. На особенно заполошных подруг-мамаш я обычно смотрела с едва скрываемым налетом благодушного цинизма и сочувствия, присутствовать в их больших детских компаниях не рвалась. Дети – это шумно, непредсказуемо, утомительно.

В результате мучительных размышлений я все же решила набрать Ингин номер. Ну хотя бы просто узнаю, что с ней. В больнице человек лежит все-таки. Вдруг чего-то нужно. Каждый гудок, к моему собственному стыду, приносил мне все возрастающее облегчение: «Ну вот и славно. Она не берет трубку. Ей никто не нужен. Ты пыталась. Вот доказатель-

ство: твой пропущенный звонок в ее телефоне. Расслабься уже. Диагноз “неравнодушная” ты сама себе можешь поставить».

«Инвалид-колясочник» – слово каталось у меня на языке, как карамелька. Ни прожевать, ни проглотить. Хочется отвернуться от того, кто это говорит, сказать: «Не надо этого произносить, зачем это вы?» Само слово какое-то неприятное, о нем совершенно не хочется думать и уж тем более примерять к себе. Может, поменяем его на какое-нибудь другое?! «Ребенок-инвалид» – совершенно невозможное сочетание. Я уже не говорю про словосочетание «мой ребенок-инвалид». Чур меня! Не подходите, вдруг это заразно?..

Еще одна чашка кофе. Еще одна попытка понять, что же происходит на той странице, которую я читаю уже по четвертому разу. Еще один взгляд на телефон. В воображении уже прокрутился почти голливудский фильм с моим участием в главной роли: спасение бедного малыша.

Сначала, как водится, нам трудно найти общий язык, но мы проходим через все сложности и преграды и накрепко привязываемся друг другу. И в этот самый момент возвращается Инга – его мать. Ее слезы безмерной благодарности смешиваются с нашими слезами от необходимости расстаться. Но я обещаю приходить почаще, ведь теперь мы связаны общей историей. Я ухожу с ощущением нашей духовной близости, растроганная нашим прощанием, и понимаю, что именно так стоило провести мой отпуск, наделив его вы-

соким смыслом и облагородив прекрасным поступком. Будет что вспомнить и рассказать внукам, которых у меня скорее всего никогда не будет, в качестве доброй истории, иллюстрирующей важность хороших поступков и дел.

Фу, самой от себя уже тошно. «Ничего нормально сделать не можешь! Взятась читать – так читай. Взятась помогать – уж лучше звони, чем впустую предаваться идиотским фантазиям. Сделай хоть чтонибудь. Не будь “между”, это же совершенно невыносимо!» Ладно. Набираю (что, в шесть лет у него уже есть мобильный телефон?). Эффект тот же. Долгие гудки. И когда я уже со смесью облегчения и досады собираюсь нажимать на «отбой», звучит торопливое «да».

– Это Степан? Здравствуй, меня зовут Арина. Я когда-то училась с твоей мамой в институте. Теперь она в больнице, мне позвонила Лена. И сказала, что к тебе нужно прийти, что тебе нужна помощь. Я в принципе могу.

– Спасибо, Арина. Но мне не нужна помощь. Ваша Лена зря беспокоится. Так ей и скажите. Я справляюсь. Спасибо за звонок.

– Подожди... – я совершенно растерялась, такой взрослый голос, такая правильная речь, такое теплое дружелюбие, такое несоответствие моему сценарию. – Степа, подожди! Можно я задам тебе несколько вопросов, если ты не торопишься?

– Да, задавайте, только минутку, я выключу чайник.

– Скажи, пожалуйста, тебе сколько лет?

– Тринадцать уже.

– Тринадцать? Я почему-то думала – шесть. А мама? Что с ней? Почему она в больнице?

На том конце повисло молчание, и мне стало неловко за вопрос.

– Для чего вам?

– Ну просто, я переживаю. Инга в больнице. Это серьезно? Может, что-нибудь нужно...

– Ничего не нужно. Вам не о чем беспокоиться. Мы справимся сами.

– А кто это вы? С тобой кто-то есть?

– Нет, я один. Мы с мамой справимся. Вам совершенно не обязательно приходить.

– А как же апельсины? – Я как-то совсем растерялась, то ли у меня забирают шанс проявить благородство, то ли что-то не то я чувствую в этой готовности «самим справиться».

– Какие апельсины?

– Лена сказала, что у тебя больное горло и тебе нужны апельсины, чтобы ты не разболелся.

– У меня ничего не болит. И у нас что-то есть из фруктов, – он пошебуршал пакетами, – груши есть, вот что, и бананы тоже.

– Ну хорошо, Степан. Еще один вопрос. А из взрослых к тебе кто-нибудь приходит? Ну бабушка там, тетя какая-нибудь, соседка, на худой конец...

– Я уже сам взрослый. А бабушка наша умерла в про-

шлом году. Мы даже на похороны не смогли поехать. Лететь далеко, да и дорого... – Детская печаль и растерянность промелькнули в голосе. Все-таки он – ребенок. Куда уж там – «сам взрослый».

– Мне очень жаль, Степа... Судя по всему, ты очень скучаешь по ней. Тебе ее очень недостает.

– ...Да. Как-то внезапно она умерла. Мама как будто до сих пор поверить не может. Да и я не могу. Мы ее ждали летом и вот не дождались. – Трогательный детский вздох, и я уже не знаю, что говорить, вопросы внезапно закончились, и захотелось просто обнять эти, наверное, хрупкие детские плечи.

– Слушай, Степ, а может, я все-таки зайду? Ну так, поболтаем, а? – то ли сказала как-то не так, то ли жалость в голосе прорвалась, не знаю.

Но вдруг резко и холодно:

– Спасибо. Не стоит. Всего вам доброго.

Гудки. И тишина.

«Не стоит»... Я сначала даже не поняла, чем я так ошарашена. То ли мне помешали проявить доброту, и это так неприятно. Раз уж так трудно решалась, то как будто хочется уже, что ли. То ли этот внезапный холод. Я его обидела? Своей жалостью, быть может? Или я была слишком навязчивой? Эта прорывающаяся детскость и такое твердое «мы справимся», повторяемое как мантра... Эх, Степа, мальчик-колясочник, что же у тебя там творится?

Теперь я уже точно не найду себе места. Еще раз пробую набрать Ингу. Тот же результат.

День как-то сразу перестал быть интересным. Даже лежание на диване почему-то уже не казалось таким привлекательным занятием, как раньше. Выглянув в окно, я обнаружила там, что ноябрь, переваливший за первую неделю, наполнил город всеми возможными оттенками серого.

Еще почти час прошел в безнадежных попытках обрести смысл в моей отпускной жизни, прежде чем я вспомнила про цель дня – сварить мужу борщ. Воодушевленная вновь найденным смыслом, я вышла на улицу за ингредиентами.

Обычно супермаркет для меня – место для слива раздражения, накопившегося за день, так мне досаждают необходимость ходить между полок и мучительно думать, что же нужно купить. А иногда волшебным образом он превращается в место для медитации, где после напряженного рабочего дня, одуревшая от размышлений, расписаний и необходимости состыковывать все со всем, я погружаюсь в разглядывание бутылочек и баночек, подолгу зависая возле какойнибудь цветастой коробки с причудливыми хлопьями, совершенно не отдавая себе отчет, что же именно я так долго наблюдаю.

Сегодня был день медитации. Я долго бродила по супермаркету, очнувшись только в тот момент, когда с трудом смогла поднять два набитых пакета. С большим изумлением, разбирая дома сумки, я обнаружила там пакет с апельсина-

ми.

«Странно, мы не едим апельсины. У мужа на них аллергия, а я просто не люблю. Если болею, всегда прошу купить мне киви. Зачем апельсины-то?». – «Ты же знаешь – для Степки, у него ведь горло...» – «Боженьки мои, ну при чем тут этот мальчик? Он же сказал: не приходите, мы сами справимся. Что навязываться-то людям? Заняться, что ли, нечем?»

«Ну да, справятся они, как же! Мало ли, почему он так отвечает, может, он гордый. Вспомни Ингу, она ведь тоже никогда не просила о помощи. Что-то было в ней всегда за-таенное. Но никто из нас же понятия не имел, чем она живет. Общежитские все про всех знали, москвичи и так обычно трескались от благополучия. А Инга? Ни то и ни другое. Жила у какой-то тетки, то ли дальней родственницы, то ли материной подруги. Что ты знала о ней? Только то, что в общих сабантуях она участвовала редко. Всегда где-то подрабатывала. Что вышла замуж на четвертом курсе, но на свадьбу никого из студенческих не позвала, даже вездесущую Ленку. Что писала она, кстати, здорово. Не модно так, не с вызовом молодого постмодерниста, пытающегося выразить собственную самобытность, всегда в поисках новых форм, в чем заходила тогда вся наша молодежь, а тихо и строго, через оттенки передавая сущностное, главное. Завораживала плавным ритмом ее текстов, где каждое слово имело смысл и вес. Не то что мои «перлы» – всегда страдающие избыточ-

ностью сравнений, союзов и метафор».

Воспоминания прервал звонок мобильного.

– Привет, Арина, это Инга. Ты звонила мне. Я не могла подойти к телефону. Что-то случилось? Нужно помочь?

– Мне? Ну что ты, нет. Привет. Да, это я. Я думала, может, тебе нужна помощь. Звонила Ленка, сказала...

– А, Ленка... Ума не приложу, как она узнала. Зачем столько активности? Я ее ни о чем не просила. Ты извини, я не хотела тебя беспокоить. Она сама. Ты же ее знаешь: если ей что-то приходит в голову, ее не унять.

– Инга, подожди. Бог с ней, с Ленкой. Не за что тебе извиняться. Лучше скажи, что с тобой? Ты правда в больнице? Тебе что-нибудь нужно? Как ты себя чувствуешь?

– Да. Я в больнице. Множественные травмы. Скоро поправлюсь, не беспокойся.

– Ты попала в аварию?

– Нет, не совсем. Мной здесь занимаются хорошие врачи. Сказали, дней десять, максимум недели две, и я буду в порядке.

Неприятное ощущение, что я вторгаюсь в чужую жизнь, куда меня, очевидно, не хотят пускать, конкурировало с тревогой и смутным намерением немедленно что-то предпринять. Затянувшаяся пауза стала меня смущать.

– Хорошо, Инга. Если вдруг что-то будет нужно, для тебя или для Степки, ты звони. Я приеду, у меня все равно отпуск и туча совершенно свободного времени.

Через пять минут после разговора пришлось констатировать, что покой уже окончательно покинул мой восприимчивый организм. Я не находила себе места. Ни отдыхать, ни готовить борщ в таком состоянии было невозможно.

Адрес есть, апельсины есть, времени навалом. Осталось лишь погуглить маршрут и отдаться ноябрю, медленно, но верно ползущему к сумеркам.

Пятиэтажный дом по Ставропольской найти было нетрудно, хотя в Люблино я никогда раньше не заезжала. С трудом удержавшись, чтобы не зайти в супермаркеты, как назло регулярно призывно попадающиеся мне по дороге, и не закупить шоколадок («Зачем ему твои шоколадки, может, ему их вообще нельзя, может, он их терпеть не может, и вообще он тебя не просил приезжать и имеет полное право дать тебе от ворот поворот»), я подошла к нужному подъезду и нажала кнопку домофона.

Вызов отзвенел долгой трелью и затих. Я озадаченно смотрела на домофон минуты две, не понимая, что происходит. «Куда он мог деться, он же колясочник? Не тот адрес? Но Ленка же была здесь еще вчера. Он видел меня в окно и специально не отвечает? С ним самим уже что-то случилось, и мне нужно звонить в МЧС?» От растерянности я еще раз нажала кнопку. В какой-то момент трель захлебнулась и ответила мне раздраженно-вопросительным «да».

– Степа, это Арина. Я звонила тебе днем, я – мамина подруга, – испугавшись, что он немедленно отключится, я спе-

шила доложиться, — и с мамой твоей я уже созванивалась сегодня, узнавала, как у нее дела.

Прожужжавший домофон был мне ответом, и я смогла открыть дверь. Поднимаясь на пятый этаж, мимо чужих запыленных ковриков, детских велосипедов, живущих теперь воспоминаниями о лете, мимо старой полки с такими же старыми книгами, стоящей прямо на полу возле подоконника, с надписью над ней «бесплатные книги для бесплатного обмена и чтения», искушающими меня обложками изданий шестидесятых годов, я волновалась больше, чем идя на важное собеседование или экзамен. И я зло завидовала Ленке, которая, судя по всему, не заморачивалась мучительными размышлениями о том, стоит ли идти туда, куда тебя не звали. Переживания по этому поводу грозились истощить меня не меньше, чем подъем на пятый этаж без лифта.

Дверь была открыта. И я, запыхавшись, ввалилась в сумрак прихожей, уже утомившись сомневаться, готовая к любому повороту событий.

В глубине длинного коридора мелькнул трудноразличимый силуэт в коляске. Показавшись ненадолго, мальчик бросил мне мимоходом:

— Проходите, тапочки там есть на полке, я готовлю, должен помешать, а то подгорит.

— Ты готовишь? Надо же, — сказала я, снимая пальто, с облегчением принимая тот факт, что не встретила сурового приема и у меня даже есть время и возможность осмотреть-

ся.

Доставая с обувной полки потертые фисташковые тапочки с бледно-лиловыми вышитыми розочками, я с каким-то неприязненным чувством вспомнила брошенный, уж когда и кому не помню, Ленкин хлесткий «диагноз»: «Бедненько, но чисто». Захотелось выплюнуть эту точную, но какую-то уничижительную формулировочку. Не получалось, застряло вместе со стыдом от того, что она пришла мне в голову.

Захватив шуршащий пакет с апельсинами, я прошла на кухню. Запах интриговал еще из прихожей, а здесь развернулся в аромат, от которого мой живот немедленно вспомнил, что, кроме утреннего кофе с булочкой, в нем за весь день ничего съедобного не лежало. Это сбило меня с толку, и я не сразу поняла, в чем странность. Щуплый мальчишка что-то сосредоточенно мешал в большом казане, сидя на офисном стуле, сиденье которого было поднято на максимальную высоту. Коляска стояла в углу, загромождая и без того небольшую кухню. А Степка, ловко хватаясь за все, что попадется под руку, стремительно перемещался на стуле, оснащенном роликами.

– Я плов готовлю. Будете? Уже скоро, минут двадцать всего осталось. – Он повернулся ко мне, и я смогла наконец рассмотреть его лицо. Из-под темно-синей банданы кое-где выбивались русые волосы. Серые Ингины глаза смотрели на меня дружелюбно и не по-Ингиному живо. В них не было той затаенной боли, лишь печаль, дымчатая, еле уловимая. В его

облике, таком еще детском, проступали сосредоточенность и взрослость, не соответствующие его реальному возрасту, и как будто бы затаенное напряжение, готовность к испытаниям. Хотелось смотреть ему в глаза, и не только потому, что страшно было опустить взгляд ниже, на его ноги. – Ну так что, будете?

– Буду, спасибо, – очнулась я от разглядывания и сравнения его реального образа с моими фантазиями о том, как он должен выглядеть, – я ужасно голодная на самом деле. А пахнет у тебя так, что даже если уже съел целиком запеченного слона, и тогда ни за что не откажешься.

Он снова лихо развернулся к тумбочке.

– Тогда я ставлю чай. До плова мы можем выпить, какого захотите, а то потом будем пить только черный с чабрецом. Вы пьете с чабрецом?

– Ну конечно, я все пью. Тебе чем-нибудь помочь? – Нет. На кухне я – хозяин. Вы мне поможете, если сядете вон туда, к стене, а то и так тесно, проезжать не везде получается, если вы там стоите.

– Я принесла тебе апельсины. – Спасибо. Я, правда, их не ем.

– Аллергия?

– Нет, просто скучный вкус. Но я могу сделать фруктовый салат, в салате апельсины можно с чемнибудь смешать.

– Ты, видимо, любишь готовить?

– Да, люблю.

– А есть, судя по твоей комплекции, не очень.

– Да нет, есть тоже люблю, просто я такой. Кстати, вы могли бы мне действительно помочь кое в чем?

– Конечно, говори, буду рада.

– Вы не могли бы попросить вашу Лену не приносить мне ее еду? Да и вообще. Зачем все это? Вы же видите, я отлично справляюсь. А так она приезжает, привозит свои голубцы и еще заставляет меня их съесть. Потому что ей кажется, что я без них умру с голоду. Хотя у меня еды столько, что хватит неделю целый отряд голодных пионеров перекармливать. И вообще ей слишком много чего кажется, а объяснить ей хоть что-то я не могу. Точнее, я могу, но она все равно меня совершенно не слушает. Она и маму не слушает. Да и, наверное, вообще никого. Что-то придумала и со своими придумками имеет дело. Я не против, пусть. Но только голубцы ее, если честно, – редкостная дрянь. Готовить она, видимо, не умеет или не любит. Бывает такое, ну не получается. Вот только почему я должен это есть? Но ведь совершенно невозможно восстановить в этой квартире тишину, пока она не уйдет. А она не уходит, пока я не съем столько, сколько она посчитает нужным.

– Да-а-а, Степа. Ну ты задал мне задачу. Убедить Лену в том, что ее участие в твоей судьбе излишне, да еще и в том, что ты без ее голубцов обойдешься, будет непросто. И уж прямо тебе скажу: успех этого мероприятия маловероятен. Но я постараюсь приложить все свои усилия. Тут просто «в

люб» не получится, это надо будет что-то придумать, куда-то перенаправить напор ее милосердия.

Он вдруг принимает и...

– Щас!

Резким, но отточенным рывком переместился на своем стуле от стола к плите, приподнял крышку казана и резко выключил газ.

– Чуть не подгорело, заговорился с вами, – немного расстроенный, он засуетился, – нижний слой, наверное, все-таки даст немного не того запаха, уж извините.

– Да что ты, брось. Это ж плов – народная пища, она должна быть с разными запахами. По мне, так пахнет просто восхитительно. И как ты какой-то другой запах учуял?

– Сейчас еще немного настоится, минут пять, и будем пробовать. Да, вы это хорошо сказали «напор милосердия», что-то немилосердное в нем чудится, если никто не спрашивает, чего же на самом деле мне нужно, и заставляют меня делать что-то якобы для моего блага. Как думаете?

– Не то слово, Степ. Что у тебя с ногами? – все же решаюсь спросить. Делание вида «я не пытаюсь рассмотреть твои ноги» стало уже отвлекать меня от разговора.

– Мышечная атрофия, – говорит он буднично и по-деловому.

– Это давно? – спрашиваю я вместо вопроса («Это навсегда?»), который хочется задать, но не решаюсь.

– Лет с семи, по-моему. Сначала я чем-то тяжело болел,

потом постепенно ноги стали болеть и худеть. Ходить я перестал в десять.

– Это лечится? – все же решаюсь я задать этот страшный вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.